

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОРОДА И СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

© 2017

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: древнерусское право; городское право; городские общины; источники права.

Аннотация: Городское право в русских землях XIII–XV вв. обладало уникальными особенностями, которые практически не изучены в историко-юридической науке. В данной статье обозначены некоторые особенности взаимоотношений городских общин и сельской округи в контексте своеобразия русского национального городского права, его отличий от европейских аналогов. Сельская округа являлась объектом эксплуатации для древнерусских городов, с которой сначала собиралась «дань», позднее – целая система сборов, и в этом смысле характер отношений городских и сельских общин соответствовал феодальной эксплуатации, но следует заметить, что это значение городской общины как коллективного феодала до сих пор в достаточной степени не изучено. Особое внимание уделяется сосуществованию целой системы общин, находившихся в различных отношениях зависимости от главной городской общины, члены которых обладали разным правовым статусом. В целом делается вывод, что распространение власти древнерусской городской общины на прилегающую сельскую местность можно рассматривать в качестве отличительной особенности русского городского права, которая не находит аналога в европейских системах городского права.

Пространство Западной и Восточной Европы в период XIII–XV вв. представляло собой сложный и разнообразный мир, пронизанный множеством связей, значительная часть которых до сих пор не изучена в достаточной степени. Одни территории были густозаселенными, на других редкие поселения разделяли огромные пространства, одни общества отличались сложной стратификацией, другие только вступили на путь распада родоплеменных отношений, интенсивность контактов и связей между разными общинами также различались. Богатство и разнообразие обществ в этом огромном мире не мешает проследить действие закономерностей, затронувших – хотя в разной мере и нередко специфичным образом – каждый его уголок.

Одним из таких общих процессов было возникновение и последующий рост городских поселений средневекового типа, с их особенностями материальной и духовной культуры. Для историков права наибольший интерес представляет одно из проявлений этого процесса, получившее название «городское право». При этом исследования городского права традиционно ориентированы практически исключительно на западноевропейские города, игнорируя аналогичные процессы, определявшие эволюцию древнерусских городов и ту специфику, которую обрело городское право в русских землях. С другой стороны, само понятие «русские земли» уже предполагает выделение нескольких регионов, различавшихся по особенностям социально-экономической и политико-правовой организации, в связи с чем, правовые нормы, действовавшие в рассматриваемый период, к примеру, в Пскове, существенно отличались от правовых норм, действовавших в Ростове. Присущий средневековью правовой партикуляризм в полной мере проявляется здесь своё действие, но не препятствует решению исследовательских задач, а только лишь корректирует алгоритм исследовательской работы. С одной стороны, историк права располагает обстоятельно разработанной теорией европейских моделей городского права (магдебургского, любекского, готландского, гамбургского и др.), в рамках которых выявлены характерные особенности и тенденции эволюции городского права. С другой стороны, в древнерусских городских общинах рассматриваемого периода складывались правовые нормы, составившие особую подсистему древнерусского права, которая на сегодняшний день недостаточно изучена, не выявлен круг источников, на которых она основывалась и из которых выростала, не раскрыты её особенности и пути эволюции. Решение этих задач и сопоставление

полученных результатов с уже существующими теоретическими схемами европейского городского права составляет актуальную научную проблему.

В отечественной историографии начало изучению городского права было положено в XIX в., но и в дореволюционный период, и в советское время большинство исследователей подходило к городскому праву как к явлению европейского средневековья, не пытаясь выявить его отечественный аналог. Кроме того, в исследованиях преобладал исторический, а не историко-юридический взгляд на предмет. Долгое время исследовательская работа велась в рамках европоцентристского подхода, который ограничивал работы исключительно европейским городским правом (А.К. Дживелегов, Г. Белов, К.А. Иванов и др.). Фундаментальные издания в этом же направлении принадлежат советской исторической науке (А.А. Сванидзе, С.М. Стам, А.Л. Ястребицкая, В.В. Стоклицкая-Терешкович и др.), однако и в этот период исследовалось европейское городское право. В конце XX – начале XXI вв. усиливается внимание исследователей к историко-юридическим аспектам проблем городского права (А.Л. Рогачевский, Л.И. Глухарева, О.Б. Квачадзе и др.). Наряду с этим в отечественной историографии существует богатая традиция изучения городских республик Северо-Западной Руси (И.Д. Мартысевич, Н.Л. Подвигина, Е.А. Рыбина, В.Л. Янин, Ю.Г. Алексеев, О.В. Мартышин, О.В. Кузьмина и др.), но в них городское право не выделяется как самостоятельная подсистема и не изучается в таком качестве. В результате оказываются смешанными нормы городского права и других подсистем феодального права отдельных русских земель. В целом, несмотря на отсутствие системного подхода к постановке проблемы выявления и изучения такой подсистемы древнерусского права как городское право, в современной исследовательской литературе все отчетливее озвучивается необходимость разрешения этой научной проблемы [1, с. 63–66].

Изучение древнерусского города начинается с раскрытия его отношений с сельской округой, из которой он вырастает и в сложных взаимоотношениях с которой сосуществует в последующем.

В отечественной историографии существовали разные подходы к этой проблеме. Странники рассмотрения города как элемента системы феодальных поземельных отношений, подчеркивали, что город выступал в отношениях с сельской округой как «феодалная организация» в полном соответствии с феодальными социально-экономическими отношениями: «Если городу как коллективно-

му сеньору принадлежала примыкающая к нему сельская округа, он осуществлял эксплуатацию крестьян своей округи (так было, например, в Италии)» [2, с. 96].

Этот подход сельская подтверждается источниками. Действительно, сельская округа являлась объектом эксплуатации для древнерусских городов, с которой сначала собиралась «дань», позднее – целая система сборов. В качестве объекта эксплуатации население сельской округи выступает, например, в договорных грамотах Новгорода с князьями. Именно в силу такого рода отношений для Новгорода важно, чтобы князь подтвердил обязательство не «выводить» сельское население в свои земли, не принимать «закладников» и не ставить их в другие отношения зависимости: «А из Бежиць ти людии не выводити въ свою волости, ни изы инои волости новгородской, ни грамоть давати, ни закладниковъ приимати ни твои княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ: ни смерда, ни купчины» [3, с. 27–28]. Приобретение определенного объема личной власти над этими категориями населения, превращение их в зависимых лиц от князя или его слуг означало, что они выполняли службы и платили сборы уже не городской общине, а князю, и на их возвращении под власть городской общины настаивали её представители при заключении договорных грамот: «А холопы, и должники, и поручники выдавати по исправе. А кто будетъ закладень позороваль ко мне, а жива въ Новгородской волости, техъ всехъ отступил ся есмь Новгороду» [4, с. 14]. Очень показателен термин, который встречается в приведённом выше отрывке текста («позоровать») и который напрямую связывает положение жителей сельской округи с более поздней категорией зависимых людей – «изорников».

Характер отношений «город – сельская округа» в этом смысле вполне соответствовал феодальной эксплуатации, но следует заметить, что это значение городской общины как коллективного феодала до сих пор в достаточной степени не получило отражения в соответствующих изменениях в теоретической модели структуры класса феодалов.

Наиболее уместные термины для определения сельской округи в реалиях средневековой Руси – «волость» и «область». Волости часто упоминаются в источниках права, обозначая сельскую местность, прилегающую к городскому центру. Иногда в летописях встречается и термин «область», который обозначает сельскую местность, противопоставляемую городам – например: «...и много попустишиа области ихъ, а града ни единого не взяша» (1145 г.) [5, с. 7].

На тесную связь древнерусских городских центров и «волостей» указывалось целым рядом исследователей, опиравшихся как на письменные источники, так и на данные археологов [6, с. 243–245; 7, с. 26–27; 8, с. 33; 9, с. 50–51]. Именно из прилегающих волостей вырастает город, сохраняя тесную связь с этой сельской местностью.

Поэтому неслучайно сельская округа городской общины воспринималась её членами как пространство «своих», не относилась к «чужой земле». Это понимание явственно прослеживается в 17–18 статьях Псковской Судной грамоты: в 17-й ст. речь идёт о чужеземцах, приехавших из других городских общин («...чужой земли приехав или под пожар за неделю или по грабежу...»), которым противопоставляются люди из «волости» – тоже не члены городской общины Пскова, но не являющиеся «чужими» («А кто по волости ходит ... а имет искати тако же соблюденна...») [10, с. 333].

В плане подсудности Псков, пригороды и сельская округа также объединяются Псковской Судной грамотой в одно целое (ст. 34): «А у которого псковитина у какова учинится тагба в Пскове или на пригороди, или в сели на во(ло)сти, ино явить старостам, или околным соседом...» [10, с. 335]. Аналогично и в других статьях – например, в ст. 80: «А кто с ким побьется во Пскове или на пригороде, или на волости на пиру...» [10, с. 339]. По-

казательно, что в европейских городских хартиях сфера действия городских судов обычно определялась чертой города, не распространяясь на прилегающую сельскую местность (например, из хартии, данной Оксфорду в 1156 г.: «Кроме того, нам угодно, чтобы они держали все вышеозначенные вольности, привилегии, обычаи и свои держания с правом соки и саки, правом взимать рыночные пошлины, разбирать тяжбы и судить воров и преступников, пойманных в пределах города [выделено мною – Ю.О.]» [11, с. 41–42].

Отнесение к «своим», однако, не означало равного правового статуса с горожанами, членами городской общины. По летописям известны случаи, когда летописец подчеркивает, что для организации похода были собраны военные силы со всей «земли»: «а на зиму иде Всеволод на Суздаль ратью, и вся Новгородская область...» [5, с. 4], «Потом же Святослав Ольгович совокупи всю землю Новгородскую и брата своего Глебка, идоша на Псков прогонити Всеволода...» [5, с. 6]. Это отличается от обычного летописного описания военного похода, в составе участников которого указываются княжеская дружина и городское ополчение, но ополчение сельской округи здесь выступает в качестве третьего элемента, далеко неоднородного с другими двумя.

На пространстве прилегающей округи выделялись правовым статусом своих горожан пригороды – более мелкие городские общины, находившиеся в зависимости от главной городской общины. Их жители обладали особым правовым статусом, их права не уравнивались с правами членов главной городской общины, а сами пригороды также находились в отношениях зависимости, имевшей различные проявления. Значимой формой зависимости было обязательство предоставлять военную и политическую помощь. Например, подготавливая смещение Всеволода в 1136 г., новгородцы действовали совместно с жителями Пскова и Ладоги: «Новгородци призваша Псковичъ и Ладожан, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода...» [5, с. 5].

Распространение власти древнерусской городской общины на прилегающую сельскую местность можно рассматривать в качестве отличительной особенности русского городского права. В Европе только в некоторых случаях мы находим такое же положение, во многих случаях, напротив, сфера полномочий городских властей строго ограничивается зоной городской черты, как это, к примеру, фиксировалось в Кульмской грамоте и, соответственно, в городах кульмского права. Как подчеркивают исследователи, из подсудности городских судов исключались дела о происшествиях, «случившихся на территориях, прилегающих к замкам (в городах, где они имелись), а также на всех общественных дорогах (в том числе и водных, к которым относилась Висла)» [12, с. 213–220].

Совсем другую картину мы видим в источниках русского городского права. Например, для международных договоров Новгорода обычным элементом является подробная регламентация взаимоотношений иностранных купцов с лоцманами и перевозчиками на порогах, определение особенностей судебных разбирательств над преступниками, пойманными далеко за пределами городской общины, но в сфере её ведения (например, «а поймут вора между Коглингом и Ладогой...») [13, с. 59] и т. п. Аналогичные правовые нормы [14, с. 60–66] можно найти в договорах смоленской городской общины и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукин П.В. Средневековый Новгород как коммуна? Итальянские параллели // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 63–66.
2. Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 91–101.

3. Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Александром Михайловичем 1326–1327 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 14. 409 с.
4. Договорные грамоты Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296–1301 гг. Грамота тверская // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 4. 409 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородские и псковские летописи. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 372 с.
6. Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжества. М.: Наука, 1975. С. 250–265.
7. Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель IX–XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 23–30.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Ленинградский университет, 1980. 127 с.
9. Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. М.: Весь мир, 2013. 232 с.
10. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 432–437.
11. Средневековый город // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1949. Т. 59. С. 41–42.
12. Забашта А.С. Хелмское (Кульмское) право как система городского права // Наука и современность. 2011. № 13-3. С. 213–220.
13. Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде 1269 г. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: АН СССР, 1949. № 31. 409 с.
14. Договор («правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М.: Госюриздат, 1953. С. 54–57.

ABOUT SOME FEATURES OF RELATIONSHIP OF THE CITY AND RURAL THE DISTRICT IN THE OLD RUSSIAN LAW

© 2017

Yu. V. Ospennikov, doctor of jurisprudence, professor of chair of the theory and history of state and law and international law
Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: Old Russian law; city law; city communities; sources of law.

Abstract: The city law in Russian lands of the 13–15th centuries had unique features which are almost not studied in historical jurisprudence. In this article some features of relationship of city communities and rural the district in the context of an originality of the Russian national city law, its differences from the European analogs are designated. Rural districts was the object of operation for the Old Russian cities with which at first “tribute” gathered, later – the whole system of collecting, and in this sense the character of the relations of city and agricultural communities corresponded to feudal operation, but it is necessary to notice that this value of city community as collective feudal lord still is sufficiently not studied. Special attention is paid to coexistence of the whole system of the communities which were in various relations of dependence on the main city community, and members of which had different legal status. In general the conclusion is drawn that distribution of the power of Old Russian city community on the adjacent rural zone can be considered as distinctive feature of the Russian city law which does not find an analog in the European systems of the city law.